

А.Н. Пыпин

**История русской
этнографии**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Н. Пыпин**
История русской этнографии: Том 3 / А.Н. Пыпин – М.: Книга по Требованию,
2014. – 434 с.

ISBN 978-5-458-52292-2

Четырехтомная "История русской этнографии" - первая по времени написания монография на эту тему. Книг по истории отечественной этнографии вообще немного, широко известен только учебник С. А. Токарева, опубликованный в 1966 году. "История русской этнографии" Пыпина долгое время была труднодоступна для читателей и, кроме того, практически не известна молодому поколению этнографов, т. к. в современной литературе ссылок на нее мало. Между тем замысел книги, раскрытый в предисловии к труду самим автором, свидетельствует о несомненной ценности этого издания: "Русская этнография только в последние десятилетия, почти только с сороковых годов, получила характер настоящей научной дисциплины. В своем изложении мы останавливаемся на главнейших фактах этой истории... мы желали бы распространения исторических знаний о предмете, столь близком интересам каждого просвещенного человека, в возможно большем кругу читателей, а не в одном тесном кругу кабинетных специалистов".

ISBN 978-5-458-52292-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловіе.

Введеніе. — Значеніе малорусской этнографіи. — Соотношенія двухъ вѣтвей русской народности. — Возникновеніе этнографическихъ изученій параллельно съ новѣйшимъ развитіемъ малорусской литературы. Стр. 1—10.

Глава I.—Н. А. Цертелевъ. — М. А. Максимовичъ. Стр. 11—37.

Первый этнографическій интересъ къ малорусской народности съ конца прошлаго вѣка, 11.

Князь Н. А. Цертелевъ, 12.

М. А. Максимовичъ. Біографическія свѣдѣнія, 15.

Сборники пѣсенъ: 1827 года, 22;—1834 года, 27;—1849 г., 30.

Разнообразные труды по изученію Малороссіи, въ Кіевѣ, 30.

Складъ его мнѣній и условія работы, 33.

Глава II.—Зоріанъ Доленга-Ходаковскій. Стр. 38—87.

Историческое значеніе трудовъ Ходаковского, 38.

Его двойственная біографія и разрѣшеніе этой двойственности, 40.

Легендарные рассказы, 59.

Воспоминанія Ксенофонта Полевого, 63.

Учено-литературные труды Ходаковского, 69.

Вновь отысканный рукописный сборникъ пѣсенъ Ходаковского, 85.

Глава III.—И. И. Срезневскій.—О. М. Бодянский. Стр. 88—113.

Біографическія свѣдѣнія о Срезневскомъ, 89.

«Запорожская Старина», 98.

Сомнительность многихъ ея сообщеній, 100.

Біографическія свѣдѣнія о Бодянскомъ, 104.

Первые учено-литературные труды, 108. «Чтенія» московскаго Общества исторіи и древностей, 112.

Глава IV.—Польскіе и галицко-русскіе этнографическіе сборники тридцатыхъ годовъ. Стр. 114—138.

Періодъ взаимныхъ связей между литературой русской и польской, 114.
Вацлавъ изъ Олеска (Залѣскій), 120.

Жегота Паули, 132. Войцицкій; Голембѣвскій, 133.

Галицко-русская этнографія тридцатыхъ годовъ: Шашкевичъ, Головацкій, Вагилевичъ, 134.

Глава V.—П. А. Лукашевичъ.—А. Л. Метлинскій. Стр. 139 — 150.

Біографическія свѣдѣнія о Лукашевичѣ, 139.

Его сборникъ малорусскихъ и червонорусскихъ пѣсенъ, 140.

А. Л. Метлинскій, какъ профессоръ и этнографъ-собираатель, 146.

Глава VI.—Н. И. Костомаровъ. Стр. 151 — 187.

Біографическія свѣдѣнія, 151.

Диссертация объ униі, 152.

Кирилло-Меодіевское общество, 153, 156.

Этнографическія работы, 164.

Диссертации объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, 167.

«Славянская миеология», 175.

«Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», 179.

Позднѣйшія работы, 182.

Глава VII.—П. А. Кулишъ.—Журналъ «Основа» и начало украинифильства. Стр. 188—222.

Біографическія свѣдѣнія, 188.

Перевороты въ литературныхъ мнѣніяхъ г. Кулиша, 189.

«Записки о Южной Руси», 192.

Цивилизація и необходимость сближенія съ народами, 201.

Литературно-историческая критика; взглядъ на Гоголя, 202;—на Шевченка, 208, 210.

«Исторія воссоединенія»; «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», 210.

Журналъ «Основа», 214.

Глава VIII.—Галицко-русское возрожденіе и польско-украинская школа. Стр. 223—258.

Историческія отношенія русско- и малорусско-польскія, 223.

Разказы Головацкаго о началѣ галицко-русскаго возрожденія, 225.

Воспомянія Н. Устѣновича, 229.

Историческія причины особенной силы польскаго вліянія въ Галиціи, 231.

Литературно-историческія отношенія Галицкой Руси.—Воспомянія Головацкаго, 236; жизнеописаніе Антонія Добрянскаго, 240.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ.—Источники этихъ интересовъ, 244.

Украинская школа, 247; «польскіе славянофилы», 250.

Тимко Падура, 252.

Глава IX.—Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія.
Стр. 259—300.

Политическое и нравственное состояніе польской эмиграціи, 259.

Польскій украинофилъ въ эмиграціи: Як. Яворскій, 262.

Движеніе шестидесятихъ годовъ: хлопоманія, 273.

Польскій украинофилъ въ Галиціи: Павлинъ Свенцицкій (Павло Свій),
282.

Польскія работы по южно-русской этнографіи.—Оскаръ Кольбергъ, 289.

Антоній Новосельскій, 294.

Труды Краковской академіи (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej), 297.

Глава X.—Споръ между южанами и сѣверянами. Стр. 301—338.

Мысли Венелина «О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма», 301.

Продолженіе спора на вопросахъ о языкѣ, исторіи и литературѣ, 307.

«Грамматика малороссійскаго нарѣчія» Павловскаго, 310.

Взгляды на малорусскій языкъ Греча, Максимовича, Срезневскаго, Надеждина, 312.

«Мысли объ исторіи русскаго языка», 315. П. А. Лавровскій, 316.

«Записка о древнемъ языкѣ русскомъ», Погодина, 319.

Споръ съ Максимовичемъ, 320.

Исслѣдованія А. А. Потебни, 324.

Эм. Огоновскій, 326.

Сочиненія Колосова, Житецкаго, Соболевскаго, 335.

Глава XI.—Съ шестидесятихъ годовъ. Стр. 339—380.

Оживленіе этнографическихъ изслѣдованій съ 1860-хъ годовъ, 339.

Предшественники: Н. А. Маркевичъ, 339; Н. В. Закревскій, 343.

П. П. Чубинскій. Біографическія свѣдѣнія, 347.

Этнографическо-статистическая экспедиція въ западно-русскій край: юго-западный отдѣлъ, 349.

Кіевскій отдѣлъ Имп. Р. Географическаго Общества, 356.

В. В. Антоновичъ, 364.

М. П. Драгомановъ, 365.

М. Т. Номись (Симоновъ), 367.

И. Я. Рудченко, 369.

П. И. Житецкій, 375.

А. И. Ловачевскій; Гр. Купчанко, 376.

И. П. Новицкій, 378.

Глава XII.—Новѣйшіе труды по южно-русской старинѣ и народности. Стр. 381—419.

Связь историческихъ изысканій и народолюбивыхъ стремленій съ этнографіей, 381.

Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ. Н. Д. Иваншевъ, 386.

Работы ученыхъ учреждений и обществъ. Описанія архивовъ, изданія актовъ, русскія и галицко-польскія, 388.

«Кіевская Старина», съ 1882 года. Ө. Г. Лебединцевъ, 389.

Труды по археологій и старой исторіи Южной Руси, 392.

Исторія земель и княженій, городовъ, колонизаціи: труды гг. Антоновича, Дашкевича, Молчановскаго, Голубовскаго, Лопгинова, Багалѣя и др., 393.

Средній періодъ южно-русской исторіи: труды гг. Антоновича, Новицкаго, Левицкаго, Буцинскаго и др., 395.

Исторія Запорожья и козачества: труды гг. Скальковскаго, Эварницкаго, Рыльского, Я. Шульгина, Ө. Кондратовича и Лупулеску; историки новѣйшаго козачества: Попко, Короленко и др., 396.

Исторія быта, нравовъ: сочиненія гг. Антоновича, Ө. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго (исторія малороссійскихъ фамилій), 398.

Изданія старыхъ и новѣйшихъ мемуаровъ: Освѣдимъ, Балыка, Евлашевскій, Селецкій, Чалый и др., 399.

Изслѣдованія экономическаго быта и общины, исторія крестьянства, обычное право: труды А. М. Лазаревскаго, Козловскаго, И. Новицкаго, Котелянскаго, Е. Филимонова, Ө. А. Щербины, А. А. Русова, П. П. Червинскаго, И. В. Лучицкаго, А. Ө. Кистяковскаго и друг. 400.

Изученія старой письменности; труды по новѣйшей малорусской литературѣ: П. Н. Петрова, Н. П. Дашкевича, 405.

Изслѣдованія собственно этнографическія: П. С. и А. Е. Ефименко, Н. Ө. Сумцовъ, В. П. Науменко, П. Кузьмичевскій, В. П. Горленко, Ц. Г. Нейманъ, X. Ящуржинскій, Н. А. Явчукъ, М. Комаровъ, Өаддей Рыльскій и друг., 406. Изслѣдованія по языку, 411.

Русь Галицкая: Я. Головацкій, Евг. Желеховскій, Ем. Огоновскій и друг., 413.

Русь Угорская и Буковина, 417.

Дополненія (Н. С. Тихонравовъ;—А. А. Потенія;—И. Я. Порфирьевъ;—А. Карнѣевъ;—Ө. Д. Ватюшковъ;—Л. Шепелевичъ;—А. И. Пономаревъ;—Жегота Паули;—Н. В. Закревскій;—М. П. Драгомановъ), стр. 420—425.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ историческомъ очеркѣ русской этнографіи мы только мимоходомъ коснулись развитія этнографіи малорусской. Естественно, что послѣдняя должна представить многія общія или параллельныя черты съ великорусской; но въ то же время въ ея развитіи были особенности, только ей принадлежавшія. Общность являлась въ самомъ единствѣ племенъ, языкъ, бытъ и поэтическія созданія которыхъ, несмотря на долгое историческое раздвоеніе, сберегли много общихъ основъ; древность обѣихъ племенныхъ отраслей была одна и та же—кіевская. Новѣйшій интересъ къ народному одинаково и одновременно одушевлялъ ученыхъ и любителей, работавшихъ на сѣверѣ и на югѣ: они чувствовали свою солидарность, находили взаимно опору въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣдко однѣ и тѣ же лица трудились въ обѣихъ областяхъ, какъ напр. Срезневскій, Бодянский, Максимовичъ, Костомаровъ... Но, съ другой стороны, были отличія, происходившія изъ самого положенія малорусской народности. Русская по своей глубочайшей основѣ, она цѣлые вѣка прожила раздѣльно отъ другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихіей русскаго міра; и тѣ особенности этнографическія, которыя можно угадывать еще въ древнемъ характерѣ южно-русскаго племени сравнительно съ сѣвернымъ, развились подъ вліяніемъ исторіи въ такія своеобразныя формы, которыя бросались въ глаза самому народу и рѣзко отличили „хохла“ отъ „москаля“. Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности—а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ (формы земледѣльческой и вообще хозяйственной культуры); племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народ-

ВВЕДЕНИЕ.

ности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи на югѣ (какъ напр. давнія восточныя, а затѣмъ польскія вліянія XV—XVII в.); національная историческая борьба XVI—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при „восоединеніи“, въ половинѣ XVII-го столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ оттѣнкомъ. Нѣкогда княжества удѣльной Руси, подпадавшія московскому объединенію, при всѣхъ (какія бывали иногда) отличіяхъ отъ московскаго люда, сливались съ нимъ въ одной великорусской основѣ; въ крайнихъ случаяхъ, какъ въ Новгородѣ, московская власть помогала объединенію простыми истребленіями неподдающихся населеній, выведеніемъ туземцевъ и переводомъ на ихъ мѣста московскихъ жителей, установленіемъ московскихъ порядковъ управления и быта. Здѣсь подобныя мѣры были невозможны: слишкомъ велика была масса, которую нужно было бы приводить къ одному знаменателю; самое восоединеніе сопровождалось политическими условіями, согласіемъ московскаго правительства на сохраненіе мѣстнаго права и обычая, когда притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кіевскій бытъ стоялъ выше московскаго, напр., въ школѣ и извѣстномъ развитіи образованія. Но присоединеніе къ сильному государству, притомъ одноплеменному, не могло не сглаживать племенныхъ различій. Въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го столѣтія объединеніе шло большими шагами: мѣстныя особенности не имѣли настолько внутренней силы, чтобы удержаться подъ властью могущественной имперіи, при подавляющемъ господствѣ администраціи, правовъ, а затѣмъ новаго просвѣщенія и литературы, развивавшихся съ XVIII-го столѣтія. Малорусская старина „политическая, „малороссійскія права“, исчезали окончательно; малорусскіе люди шли въ русскую службу, военную и гражданскую, поставляли іерарховъ, чиновниковъ, государственныхъ дѣльцовъ и даже фаворитовъ; старая войсковая и земельная аристократія стала русскимъ дворянствомъ, какъ народъ, наравнѣ съ русскимъ, дѣлался крѣпостнымъ; умственные силы вступали въ потокъ русской науки и литературы;—но на мѣстѣ еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы. Въ тѣ времена, до самыхъ 1860-хъ годовъ, не задавались тѣми задачами абсолютнаго обрусѣнія, какія ставились въ послѣднія десятилѣтія; правительство довольствовалось полнымъ объединеніемъ административнымъ и не думало, чтобы внѣ этого еще слѣдовало гнаться за истребленіемъ мѣстныхъ бытовыхъ

отличій, языка, нравовъ и книжности. Въ литературѣ, развивавшейся съ Петровской реформы подъ разными европейскими вліяніями, малорусскія силы участвовали вмѣстѣ съ великорусскими, работали надъ тѣми же общими образовательными вопросами и литературными направленьями, какъ ложный классицизмъ, сентиментальная школа, романтизмъ, и долго совсѣмъ не возникало вопроса о мѣстныхъ народныхъ элементахъ, которые однако продолжали жить,—точно также ихъ долго еще не касалась и наука.

Такимъ образомъ, вопросъ этнографическій остался незатронутымъ въ старой литературѣ, не былъ возбуждаемъ какими-нибудь внѣшними толчками; въ жизни шелъ постепенно процессъ племенного объединенія, и если съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка возникли и стали все больше расширяться этнографическія изученія и выростать стремленіе къ своенародному, то побужденіе къ нимъ лежало въ глубокихъ основаніяхъ самой внутренней жизни народности. Говоря объ исторіи русской этнографіи, мы указывали, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ складывалось то направленіе, которое съ тридцатыхъ годовъ получило названіе „народности“. Самымъ глубокимъ источникомъ былъ тотъ элементъ русскаго содержанія, который не былъ никогда заглушенъ въ самыхъ искусственныхъ и натянутыхъ произведеніяхъ прошлаго вѣка, и напротивъ былъ только усиливаетъ новыми нравственными и общественными понятіями, какія приходили изъ классическихъ произведеній европейской литературы. Соціальная мысль о народѣ, а съ нею и мысль о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы возникаетъ еще съ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи выростала въ цѣлое направленіе, подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ (двѣнадцатый годъ), романтической школы и политическаго либерализма; наконецъ, интересъ народности поднять былъ дошедшими къ намъ отголосками славянскаго возрожденія и вліяніями нѣмецкой историко-филологической науки. Всѣ эти элементы, нравственные, политическіе, литературные, научные, имѣли свое дѣйствіе и на развитіе этнографіи малорусской: когда разъ въ образованныхъ литературныхъ кругахъ выдѣлилась ясно мысль о народѣ, то особенность малорусской стихіи представлялась тотчасъ сама собой—оставалось въ нее вникнуть. При первыхъ этнографическихъ приступахъ къ малорусской народности, ярво выступалъ фактъ, что при всемъ единствѣ племенъ исторія провела между ними рѣзкую разницу во всемъ народно-бытовомъ характерѣ, въ языкѣ, преданіи, народной поэзіи и обычаяхъ. Все оригинальное, самобытное бросалось въ глаза, и когда этнографическій интересъ сталъ серьезнымъ литературнымъ вопросомъ, онъ естественно расширился съ одной стороны до научнаго изученія народной старины и

современности, съ другой—до общественной постановки вопроса. Первымъ серьезнымъ началомъ даны были всѣ послѣдующія развѣтвленія этого движенія. Этнографическій интересъ, *какъ всегда*, переходитъ въ стремленіе къ извѣстнаго рода реставраціи народности.

Этнографическая наука, вытекая изъ желанія познать народъ, доставляетъ обыкновенно матеріалъ для народническихъ стремленій (въ прежнее время романтическихъ, въ новѣйшее—болѣе реальныхъ), оживляетъ и усиливаетъ ихъ; такъ малорусскія этнографическія изученія уже вскорѣ соединились съ стремленіями поднять общественное и нравственное состояніе самого народа, съ этой цѣлью создать для него литературу на народномъ языкѣ; рядомъ съ этимъ шла идеализація малорусской старины. Чѣмъ сильнѣе становилось это народническое стремленіе, тѣмъ больше въ глазахъ энтузіастовъ выростала особенность родного племени, даже противорѣчіе двухъ отраслей русской народности; въ тѣмъ болѣе увлекательныхъ очертаніяхъ вставала малорусская старина или патріархально-идиллическая современность, украшенная изящными произведеніями народной поэзіи... Возникновеніе интереса къ малорусской народности и начатки новой малорусской литературы казались возрожденіемъ старины, паденіе которой являлось какъ бы несправедливостью исторіи. Отсюда рождалось представленіе о томъ, что новое малорусское движеніе вообще равнозначительно съ славянскимъ возрожденіемъ (съ которымъ и дѣйствительно имѣло многія связи и параллельныя явленія). Въ послѣднее время этнографическая ревность нѣкоторыхъ южно-русскихъ (особливо галицкихъ) ученыхъ настаивала на полной раздѣльности великорусскаго и малорусскаго племени и языка, какъ особыхъ, независимыхъ отраслей славянскаго корня...

Такія ступени проходило, въ общихъ чертахъ, изученіе малорусской народности. Первоначальный интересъ къ народному, какъ и въ развитіи русской этнографіи, исходилъ изъ простого продолженія стараго, еще незабытаго обычая, изъ привычки къ той или другой старинѣ, изъ вкуса къ народной пѣснѣ; когда позднѣе этотъ интересъ получилъ мѣсто въ кругу литературныхъ понятій, т.-е. занялъ людей образованныхъ, перешелъ въ книгу, то народность сначала привлекала элементомъ патріархальности (которую давно превозносила псевдо-классическая идиллія и эклога, а потомъ теоріи Руссо), потомъ внушала сочувствія соціально-филантропическія (какъ это было и въ русской литературѣ), затѣмъ прошла стадіи сантиментальной и романтической школы и официальной народности. Въ послѣднія десятилѣтія, этнографическое движеніе, какъ русское, такъ и малорусское, опять было въ извѣстной связи съ новыми направленіями литературы, западничествомъ и славянофильствомъ, совпадая

то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, между прочимъ, московская исключительность новѣйшаго славянофильства не мало способствовала развитію того малорусскаго историческаго патриотизма, который (подъ названіемъ украинофильства) въ послѣднее время вызывалъ крайнее раздраженіе не только газетныхъ публицистовъ, но даже и нѣкоторыхъ людей ученыхъ и, по нашему мнѣнію, вовсе не требовалъ бы этого раздраженія.

Племенную своеобразность двухъ народныхъ отраслей видѣлъ издавна, и съ обѣихъ сторонъ, самъ народъ: съ обѣихъ сторонъ былъ русскій народъ, издавна раздѣлившійся, по политическому положенію и политической шѣркѣ, на *великую* и *малую Русь*, но эта Русь на одной сторонѣ были „хохлы“, на другой „москалы“ или „кацапы“—простонародныя клички, имѣвшія для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ. Пунктомъ очевиднаго историческаго дѣленія двухъ племенъ былъ XII—XIII вѣкъ, начало политическаго объединенія на сѣверѣ, и особенно татарское нашествіе. Съ тѣхъ поръ исторія обѣихъ отраслей разошлась на многіе вѣка и политически, и культурно: онѣ стали принадлежать двумъ разнымъ государствамъ, и вступили въ совершенно различныя культурныя условія. Историческія обстоятельства были таковы, что это государственное дѣленіе не казалось удивительнымъ или неправильнымъ, потому что было неизбежно и вынуждено силою вещей. Обѣ стороны, великое княжество московское, великое княжество литовское, были русскія; русская стихія уже вскорѣ возобладала въ строѣ литовскаго княжества; князья-литвины стали русскими по вѣрѣ и языку—какъ будто произошла только смѣна династій; но затѣмъ положеніе осложнилось: сближеніе, потомъ окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ Польшей ввели южно-русское племя въ связь и вмѣстѣ столкновеніе съ инороднымъ элементомъ племеннымъ и религиознымъ. Высшій классъ, сначала понемногу, потомъ почти поголовно отпалъ въ чужую народность и чужую вѣру, отпалъ отчасти по доброй волѣ, соблазненный матеріальными выгодами и блескомъ общественнаго положенія польскаго магнатства и шляхетства, отчасти вынужденный; но народная масса осталась вѣрна преданію, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выносила страшный гнетъ религиозный и социальный, не уступивъ ни своей вѣры, ни народности. Кончилось тѣмъ, что Малая Русь присоединилась къ Москвѣ, съ которой въ томъ и другомъ отношеніи сознавалась давняя связь. Москва приняла политическія условія „возсоединенія“, но крайне исключительная, вслѣдствіе вѣковыхъ условій *своей* исторіи, съ недоумѣріемъ смотрѣла на новую для нея разновидность русскаго племени. Отчасти это недоумѣріе было понятно: отпаденіе высшаго малорусскаго класса въ католичество, принятіе польскихъ обычаевъ и, наконецъ, языка,

заставили москвичей думать, что и вообще западное православіе слабо; но москвичи вообще не могли понять ни несходства иныхъ обычаевъ юго-западной Руси, даже православной, съ московскими, ни южно-русскаго образованія. Это недоувѣріе, равнявшееся недружелюбному предубѣжденію, какъ будто обновилось опять въ литературныхъ и административныхъ врагахъ малорусскаго народническаго движенія, но съ русскою точки зрѣнія должно было бы признать, что „воссоединеніе“ было великой побѣдой южно-русскаго племени надъ исключительно тяжелыми обстоятельствами и было заслугой въ самомъ русскомъ смыслѣ: приходилось бороться съ врагомъ очень сильнымъ и упорнымъ въ своихъ стремленіяхъ, притомъ вооруженнымъ гораздо болѣе высокою культурою, и побѣда принесла великую пользу *всему* русскому цѣлому, потому что та же борьба на западной границѣ предстояла бы самой московской Россіи. Правда, сожительство съ польскимъ обществомъ—кромя той потери, которая испытана была отпаденіемъ высшихъ классовъ—оставило и на православной массѣ извѣстный оттѣнокъ польскаго вліянія; но, во-первыхъ, бытовое отличіе южной Руси (приписывавшееся москвичами только этому вліянію) на дѣлѣ выходило вовсе не изъ одного польско-католическаго вліянія, а изъ всѣхъ историческихъ условій южно-русской жизни, а во-вторыхъ, рядомъ съ тѣмъ, что казалось не національно-русскимъ для москвичей, были приобрѣтены изъ польскаго источника важныя культурныя выгоды, опять послужившія для цѣлой русской народности. Церковная борьба создала потребность въ образованіи; стали заводиться школы по латинско-польскому схоластическому образцу; южно-русскіе дѣятели XVI—XVII вѣка внесли въ латино-польскій обиходъ своей школы греко-русское православное содержаніе, и новое образованіе уже вскорѣ проникло въ самую Москву, гдѣ кievскіе ученые стали его первыми представителями и начинателями. Языкъ, которымъ говорила южно-русская ученость и книга, былъ своеобразной амальгамой церковно-славянскаго съ формами рѣчи южно-русской, съ отдѣльными добавками изъ латинскаго и польскаго; въ церковныхъ предметахъ онъ, конечно, больше пользовался церковной стихіей, въ предметахъ историческихъ и житейскихъ ближе подходилъ къ народной рѣчи. На этомъ языкѣ составила съ XVI-го вѣка цѣлая литература, удовлетворявшая популярнымъ потребностямъ, такъ что новѣйшее возникновеніе малорусской литературы со временемъ Котляревскаго, собственно говоря, было только подновленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ стараго книжнаго преданія ¹⁾. Выученики Кіевской Академіи имѣли свою историческую

¹⁾ Въ газетѣ „Кіевлянинъ“, 1885, явился цѣлый рядъ статей по поводу мнѣній замѣчанихъ о происхожденіи украинофильства, высказанныхъ въ статьѣ: „Волга и Кіевъ“